
БЛАГОВЕСТ СМЕНЯЕТСЯ НАБАТОМ (дискурс колокола в русской культуре)

Э.Р. Лассан

Филологический факультет
Вильнюсский университет
Университето, 5, Вильнюс, Литва, 01131

В статье рассматривается символическое значение русского колокольного звона, запечатленное в русском дискурсе. Согласно определению символа, данного Ю. Лотманом, он имеет двоякую природу: инвариантную сущность и ее модификацию применительно к культурному контексту. В статье показаны содержательные и языковые модификации темы колокола в русском дискурсе в поэзии XIX, XX и начала XXI в. Автор подробно останавливается на дискурсивном описании таких колокольных звонов, как благовест и набат, и приходит к выводу, что в современной поэзии доминирует тема набата, что свидетельствует о состоянии общественной неудовлетворенности. Если в XIX и XX в. лексемы **благовест** и **набат** использовались в прямом значении, то в XXI в. лексема **набат** приобретает метафтоническое значение призыва к крови.

Ключевые слова: «поэзия колокола», природа символа, «колокола и колокольчики», благовест и набат, состояние поэзии и общества.

«Колокола и колокольчики» — тема настолько популярная для русских гуманитариев (историков, филологов, точнее, составителей поэтических антологий), что писать о ней опасно, чтобы не впасть в банальность. Как известно, колокол является универсальной культурной ценностью, запечатленной в истории и искусстве разных народов. Мы не останавливаемся на истории происхождения колоколов — об этом существует обширная литература, равно как и об их роли в общественной истории. Если говорить об истории России, то она запечатлевает набатный звук колокола «во дни... бед народных», и колокол в ней одухотворяется, персонифицируется, получая имена людей («Иван», «Годунов» и т.п.) и даже подвергаясь наказанию за призыв к «общественным проступкам». У колоколов вырывали «язык», секли их плетью, отправляли в ссылку.

История угличского колокола гласит, что «набатный колокол, звонивший по убиенному царевичу, сбросили со Спасской колокольни, вырвали ему язык, отрубили ухо, принародно на площади, наказали 12 ударами плетей. Вместе с угличанами отправили его в сибирскую ссылку» (<http://www.kolokola.ru/history/uglich1.htm>).

Принято считать, что, несмотря на универсальную культурную ценность колокола, существующее осмысление его функции в жизни разных национальных сообществ, для российской истории роль его особенно значительна: «колокол... является феноменом русской культуры, воплотившим интеграцию веры, искусства и быта, а потому может рассматриваться в качестве одного из важнейших символов, олицетворяющих духовный мир нации», — считает российский культуролог Н.С. Каровская [4. С. 4]. Тем не менее, при всем многообразии исследований по истории колокола в России, при наличии поэтических антологий и ряда

статей В.Ф. Козлова, а также книги Н.П. Большаковой «Колокольный перезвон. Колокола в литературе, музыке и живописи», включающих и обзор произведений русской литературы и искусства, где звучит тема колокола [1; 5], можно все-таки говорить, что собственно филологических работ, связанных как с описанием развития этой темы в русском дискурсе, так и с анализом лексических средств, используемых при ее реализации, практически нет.

Прежде чем приступить к исследованию этой темы, необходимо отметить, что существующее в легендах, текстах русской культуры, работах культурологов и историков трепетное отношение к колоколам (в них колокола наделяются сакральной силой или способностью вызывать чувства, затрагивающие глубинные струны души и памяти) не соотносится с отношением, зафиксированным в русских пословицах и поговорках. Приведем эти тексты русского фольклора:

Колокол в церковь людей зовет, а сам никогда не бывает. Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню. Звони поп в колокола, чтобы попадья не спала. Дан попу колокол, хоть звони, хоть об угол колоти! Дан попу колокол, хоть совсем (хоть разбей) его об угол. Поп за колокол, а мы за кови. Про глухого попа не разбить колокола; или, на иной лад: Про глухого, попу не разбить колокола. Чужой человек в доме колокол. Чужой человек, что соборный колокол, по вестям. Ваш колокол, хоть разбей об угол. У царя колокол на всю Русь (т.е. рекрутский набор). Стояли люди под колоколами, слышали. Колокола льют (говор. обо всех несбыточных, выдуманных новостях, потому что в отливке колокола, по суеверию, распускают какую-нибудь небылицу) (словарь Даля).

Здесь колокол не является символом высокой идеи — попу предлагается звонить в него, чтобы разбудить попадью (а не для великих дел), колокол можно расколотить об угол, занятие звонаря противопоставляется более интересному занятию — питию (*поп за колокол, а мы за кови*), колокол сравнивается с чужим человеком в доме, в силу чего возникают отрицательные ассоциации, связанные с разносчиками слухов, литье колоколов сравнивается с созданием несбыточных новостей.

Таким образом, в народном творчестве *колокол/колокола* участвуют в контекстах, которые обытовляют этот предмет, и более того, приписывают ему негативные характеристики. Видимо, сакрализация колокольного звона в русской письменной культуре — явление более позднее, характерное для рефлектирующего культурного сознания. Возможно, презрительное отношение к церковникам, именуемым в народе по их «рабочему инструменту» — колоколу: *колокольного звания* (синонимы: *жеребьячья порода, долгогривый*), сказалось и на отношении к вестнику церковной службы в послереволюционные годы, когда по велению властей рабочие без сожаления уничтожали колокола (см. потрясающее описание этого периода в дневниках Пришвина: «Когда били колокола») [8. С. 411—422].

Если говорить о древнерусской литературе, то, опираясь на работу Т.Ф. Владышевской, можно сказать, что эта литература наполнена звуком колоколов, однако, скорее, она бесстрастно констатирует его призывы к общему сбору и чаще —

«во дни народных бед» («бысть мятеж в Новегороде: начаша изгонити князя Ярослава из города, и съзвониша вече на Ярославли дворе») [цит. по: 2. С. 64], нежели возводит колокольный звон в символ.

Поскольку мы говорили выше о колоколе, признаваемом символом русской духовной жизни, необходимо уточнить, что будет пониматься под символом, если в дальнейшем мы будем рассматривать дискурс колокола как реализацию его символической функции. «Символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения», — писал Ю. Лотман [6. С. 194—195].

Согласно Лотману, природа символа двояка: «С одной стороны, пронизывая толщу культур, символ реализуется в своей инвариантной сущности. В этом аспекте мы можем наблюдать его повторяемость... С другой стороны, символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует. Его инвариантная сущность реализуется в вариантах. Именно в тех изменениях, которым подвергается „вечный“ смысл символа в данном культурном контексте, контекст этот ярче всего выявляет свою изменчивость» [6. С. 195]. В названном аспекте мы и попытаемся рассмотреть русский дискурс колокола: его инвариантность и его трансформируемость в соответствии с изменчивым культурным контекстом.

Выше мы говорили об универсальной ценности колокола, его значимости для многих культур, что отразилось, например, в таком знаменитом произведении, как стихотворение Ф. Шиллера «Песнь о колоколе» (1799). Это стихотворение имеет эпиграф «Живых призываю. Мертвых оплакиваю. Молнии ломаю» (лат.), призванный обозначить функции и роль колокола в бытии (1) (перевод Д.Е. Мина. Первая публикация — 1856 г.).

Немецкий поэт-романтик строит «Песню» как изображение человеческой жизни и жизни общества, важные моменты которой сопровождаются звуком колокола. Эти моменты противопоставлены по признаку радости и печали, добра и зла. Появление ребенка на свет и свадьба оглашаются радостным звуком колоколов, но вот случается всепожирающий пожар — и о нем тоже сообщается звуком колокола, а затем звучит «меди звук», провожая уходящего «в дальний путь могилы».

Шиллер не ограничивается описанием моментов индивидуальной человеческой жизни — он обращается к гражданскому звучанию колокола, и здесь наблюдается антитеза мотивов добра и зла: колокол звучит, охраняя людей от злых сил, внося в их сердца добро, объединяющее людей в союз «проявления общих сил», а с другой стороны — он звучит во времена разрушительных для государства волнений:

Тогда в руках толпы преступной // Зловещий загудит металл, // И, мира вестник неподкупный, // К насилью первый даст сигнал.

Примерно те же мотивы спустя полвека зазвучат в американской культуре — в стихотворении Эдгара По, которое в русском переводе, сделанном К. Бальмонтом, названо «Колокола и колокольчики». Это стихотворение состоит из четырех частей: в первой части колокольчики весело звенят на санях, наполняя душу радостным чувством:

В ясном воздухе ночном // Говорят они о том, // Что за днями заблужденья // Наступает возрожденье...

Во второй части речь идет о свадебном звоне колоколов:

Нарастая, упадая, брызги светлые летят. // Вновь потухнут, вновь блестят // И роняют светлый взгляд // На грядущее, где дремлет безмятежность нежных снов, // Возвещаемых согласьем золотых колоколов!

В третьей части тональность меняется: набат возвещает пожар:

Слышишь: воющий набат, // Точно стонет медный ад!

И наконец, четвертая часть повествует о звоне погребального колокола:

Гулкий колокол рыдает, // Стонет в воздухе немом // И протяжно возвещает о покое гробовом.

Сравнивая оригинал и перевод, нельзя не обратить внимания на один момент: Эдгар По обозначил своеобразную полярность звуков, используя одно слово *bells* с различными эпитетами (1. *Silver bells*; 2. *Golden bells*; 3. *Brazen bells*; 4. *Iron bells*). Бальмонт же в переводе делает это, используя разные слова и грамматические формы: *колокол* / *колокола* / *колокольчики*, с одной стороны, и *набат* / *колокол* — с другой.

Мы склонны думать, что формы числа слова *колокол* обладают в русском языке если не разными значениями, то разными ассоциациями и контекстами употребления. Роман Э. Хэмингуэя «По ком звонит колокол», имеющий эпиграфом слова Дж. Донна «Не спрашивай, по ком звонит колокол...», вызывает существующую в нашем сознании ассоциативную связь между звоном колокола и смертью. Вместе с тем строка «Москва, звонят, колокола» настраивает на ожидание великого и доброго, и это чувство оправдывается всем контекстом песни с одноименным названием:

В ярком злате святых куполов // Гордо множится солнечный лик // С возвращеньем двуглавых орлов // Продолжается русский язык. // Москва звонят колокола, // Москва златые купола (О. Газманов).

Позитивная ассоциация, связанная с лексемой *колокола*, подтверждается многочисленными текстами. Мы обращаемся в статье к текстам русской поэзии — в силу эмоциональности и в то же время лаконичности поэзия представляет тот тип дискурса, который позволяет наглядно проследить развитие одной темы в течение больших временных промежутков, равно как и ее чувственно-образное исполнение (то есть инвариантность и модификацию символа).

Итак: К. Бальмонт: *Твердит о счастье необъятном // Далекий звон колоколов*; Вяч. Иванов: *Колокола поют на дне долины*; Ап. Григорьев: *Когда колокола тор-*

жественно звучат, // Веселым звукам их внимаю грустно я; К. Фофанов: Под напев молитв пасхальных и под звон колоколов // К нам летит весна из дальних, // Из полуденных краев.

Приведенные цитаты содержат форму множественного числа слова *колокол*, при этом в них речь идет о радостном состоянии, наполняющем душу говорящего, что мы наблюдали и в переводе, сделанном К. Бальмонтом. Таким образом, можно говорить, что в поэзии, во всяком случае, XIX — начала XX в., *колокола* связываются с веселыми звуками счастья. Когда же текст реализует гражданский мотив, когда стихотворение окрашено метафизическим пафосом, русская поэзия чаще использует слово *колокол*: *Уныло гудит-поет колокол... // Поет тризну свободе печальную* (Л. Мей); звук колокола напоминает лермонтовскому Мцыри о далекой потерянной родине, воинственный *колокол* Тютчева призывает Русь облачиться в военные доспехи, часто и мерно бьет в *колокол* Иван Грозный, вызывая у народа страх перед возможными казнями в стихотворении А.К. Толстого, *колокол* Бальмонта пророчит о том, «что есть другая жизнь», *колокол* Бунина — «спокойный, вещий и далекий // От мелких горестей земли». В этой отрешенности, принадлежности к внеземному миру *колокол* Бунина сближается с колоколом Шиллера: *Да будет он судьбы законом, // И сам без сердца, без страстей, // Сопровождать да будет звоном // Игру изменных наших дней* («Песнь о колоколе»). Интересно и то, что эта черта колокола — бесстрастность — нехарактерная в целом для русской поэзии XIX в., наделявшей колокол душой, отмечается в русских пословицах: *Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню.*

И все-таки в русской культуре колокол редко ассоциируется с отрешенностью от земных дел. Журнал Герцена «Колокол» был призван будить российскую мысль, подвергая анализу действия российского правительства и призывая к отмене крепостного права. В сознании последующих поколений название этого журнала связывается со свободной мыслью, оппозиционной по отношению к власти и зовущей к переменам. Спустя более чем полтора столетия «в Пскове... объявила о своем рождении еще одна общественная организация: региональный Фонд по защите прав избирателей «Колокол». Эта организация, по словам ее руководителя С.А. Корсакова, призвана оградить избирателей от публичной лжи. Она будет «напоминать избирателям, что главную роль в процессе выборов играет избиратель и его разум, а не кошельки кандидатов и их непомерные амбиции» (gubernia.pskovregion.org/number_4/10.php). Параллель с герценовским «Колоколом» здесь можно усмотреть и в том, что организация собирается заниматься анализом деятельности депутатов всех уровней и рассказывать о ней избирателям (как занимался «Колокол» XIX в. анализом деятельности правительства).

Нам представляется весьма показательным название сообщения о создании этой организации: «Набат или благовест для „Колокола“? И здесь мы подходим к реализации мотива, очень характерного для русской поэзии современности: противопоставление звучания колокольных звонов — благовеста, несущего «благую весть», и набата, звона бедствия, тревоги. «Благовест — один из видов церковного колокольного звона, звон в колокол для извещения о начале богослужения

и во время службы. Под благовестом понимается звон в один колокол, которым христиане извещаются о начале богослужения... В один колокол также „били“ тревогу (набат), набатом же (частым звоном) население извещалось о начавшемся в пределах церковного прихода пожаре» [7. religiocivilis.ru/hristianstvo...2882blagovest.html].

Противопоставление благовеста и набата — это противопоставление «благой» и недоброй вести: «Хотя самого слова „благовест“ в церковном уставе нет, его заменяют термины „бить“, „клепать“, „знаменать“, „ударять“, напоминающие о давних временах, когда колокола еще не были в употреблении и звон производился в другие предметы. Оно вошло в богослужебный обиход, соответствуя чувствам верующих, для которых зов церкви — радостная, благая весть: «Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Господень» (Пс. 121.1) [7. religiocivilis.ru/hristianstvo...2882blagovest.html]. Таким образом, звук колокола, воспринимаемый как благовест (2), предполагает рождение в душе человека определенных картин и ассоциаций.

По тому, как поэзия XIX в. реагировала на благовест, можно судить о спектре чувств, переживаемых личностью этого века. Так, русские славянофилы отличаются «благостностью» ощущений, вызываемых зовом колоколов в церковь:

*Приди ты, немощный,
приди ты, радостный,
Звонят ко Всенощной,
К молитве благостной.
И звон смиряющий
Всем в душу просится,
Окрест сзывающий,
В полях разносится
(С. Аксаков)*

С другой стороны, для них характерна и пафосная патриотическая струя, окрашенная призывностью к исполнению христианских заповедей (А. Хомяков) или великой миссии России:

*Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол
В Царьграде?
(Ф. Тютчев)*

В поэзии славянофилов происходит символизация колокольного звона, его «приписанность» России: *Тот чудный гул, идущий от небес, Он гласом Божиим нисходил к народу... Знакомый звон, любимый звон — Руси наследие святое...* (Растопчина).

Вообще стихотворения славянофильски настроенных русских поэтов о колокольном звоне можно опознать по встречаемости в их текстах слов *душа, Русь, святой, чудный, благостный*, будь то Тютчев, Аксаков или А.К. Толстой.

Гармония, покой или гордое ощущение силы России — вот чувства, наполняющие стихи русских поэтов этого направления мысли при звуке церковного благовеста. Нужно сказать, что слово *душа* встречается в контекстуальной близости со словом *звон* или *колокол* не только у славянофилов. Практически у большинства поэтов XIX в. эти слова контекстуально близки. Однако если у славянофилов звук благовеста вызывает сладкие слезы, то в поэзии неславянофильского толка, как и в поэзии «серебряного века» этот звук сопрягается не только с чувствами, но в большей степени — с мыслями: о потерянной родине, о преходящности жизни, об утраченном времени новгородского вече. Душа полна гражданским или экзистенциальным ропотом: *И я напрасно возмущен // Мечтой утраченного рая; // И в отдаленье замирая, // Смолкает колокола звон* (Бальмонт). Здесь иные контекстуально близкие слова, реализующие мотив утраты: *уж никогда* (Лермонтов: *Что мне на родину следа // Не проложить уж никогда*); *уж не* (И. Козлов: *И уж не я, а будет он // В раздумье петь вечерний звон!*); (Л. Мей: *Не гудеть уж мне по-прежнему*); *утраченный, погребальный* (Ап. Григорьев: *Когда колокола торжественно звучат // Иль ухо чуткое услышит звон их дальний, // Невольно душою печальною объят, // Как будто песни погребальной*). Герой стихотворения Ап. Григорьева, из которого приводится цитата, мечтает о «благовесте» свободы, когда колокол возвестит о возрождении вольного духа Новгорода: *И весело тогда на башнях и стенах Народной вольности завет краснѣй стяг...*

Итак, говоря о мотивах благовеста в поэзии XIX в., мы отметили три струи в развитии этого мотива: благостное состояние души при звуке колокола, экзистенциальный ропот против смерти, гражданское чувство сожаления по утраченному времени новгородской вольности. Каждая «струя» имела свой лексический репертуар, свое контекстуальное окружение слова *колокол*. При этом слово *благовест* могло не употребляться — оно заменялось метонимическим *звон* (эпитеты: *мощный, призывный, радостный, благостный, любимый* — у славянофилов; *дальний, медный, звон колоколов, торжественно-свободный* — у неславянофилов).

Эти мотивы получили продолжение в поэзии последующего времени, при этом нельзя не обратить внимания на революционное звучание колокола в стихотворениях некоторых поэтов «серебряного века», где слово *свобода* — не столь уж редкий контекстуальный сосед слова *колокол*: *Порыву гордому послушен // Торжественно-свободный звон* (Ф. Сологуб). Стихотворение Сологуба написано уже в XX в. — в предощущении революции (1904 г.). Этот мотив — революции и смерти — в 1908 г. реализует Н. Гумилев:

*Тяжкий колокол на башне
Медным ревом заревел,
Чтоб огонь горел бесстрашней,
Чтобы бешеные люди
Праздник правили на груди
Изуродованных тел.
Звук помчался в дымном поле,
Повторяя слово «смерть».*

Вместе с тем для поэзии начала прошлого века все-таки в большей степени характерно восприятие колокольного звона как элемента пейзажа, возбуждающего определенные мысли и чувства. Колокольный звон делается его частью, раздаётся над долиной, устремляется в небеса и становится толчком к размышлениям о вечности.

Устремленность к небу, обращенность к дольному миру под звон колоколов — характерная черта поэтов-символистов. Весьма часто в текстах встречается слово *вышина* или его контекстуальный синоним *небеса*: И. Анненский: *В блесках туманится лес, // в тених меняются лица, // в синюю пúстынь небес // звоны уходят молиться...*; А. Белый: *Звон вечерний гудит, уносясь в вышину // В чистом небе так ясно, так ясно...*; Вяч. Иванов: *И дольная звучащая душа, // И тишина высот — благоговеет.*

Соответственно, контекстуальное окружение слова *колокол* и лексический репертуар поэтических средств в XX в. изменяется. Неясность очертаний мира, его призрачность и некоторая мистичность выражаются в «колокольной» поэзии символистов лексемами *дымка, туман, пелена, тени*: Бунин: *Я вижу даль, где прежде знойно // Синела дымка летних дней...*; А. Белый: *Пусть туманна огнистая даль*; Вяч. Иванов: *Мглою дыша, // Тускнеет луг.*

При этом пейзаж у символистов чаще всего вечерний, очевидно, потому, что сумраки, тени придают миру известную ирреальность. Общее настроение поэзии колокола в их поэзии — успокоение души, ропшущей из-за «утраченного рая» или испытывающей экзистенциальную грусть, «тоску существования». Колокольный звон вносит в нее покой и сознание мелочности земных печалей — душа ропщет, но смиряется: И. Анненский: *Звоны, возьмите меня! сердце так слабо и сиро*; А. Белый: *Звон вечерний гудит, уносясь в вышину. Я молчу, я доволен... О, что значат печали мои!*; И. Бунин: *Моя печаль теперь спокойна... Так на заре в степи широкой // Слышнее колокол вдали, // Спокойный, веющий и далекий.*

Интересно, что в поэзии XIX в. колокольный звон, как голос Бога, идет с высоты, или проносится над землей: Аксаков: *Не знает он, и вестник искупленья, // Он с **высоты** нам песнь одну поет*; Растопчина: *И многовеющий звон колоколов отчизны. Тот чудный гул, идущий от небес.*

У поэтов «серебряного века» звук колокола поднимается к небесам: у Анненского звоны улетают в синь небес, у А. Белого звон уносится в вышину, у Есенина *понеслись удары // К синим небесам*. Примеры немногочисленны, тем не менее, смену вектора колокольного звона осмелимся отметить, тем более что устремленность звука в высоту, в небеса коррелирует с частотой образа неба и соответствующей лексемы в поэзии серебряного века (ср. названия: К. Бальмонт: «Под северным небом», Дм. Мережковский: «Голубое небо», В. Брюсов: «Пока есть небо», А. Блок: «Петроградское небо мутилось дождем»).

Психологизированный пейзаж, насыщенность переживаемым настроением отмечаемая в творчестве символистов, проявляется в «колокольной» поэзии включением в текст лексем со значением эмоционального состояния или вместилищ такого состояния: К. Бальмонт: *Твердит о **счастье** необъятном // Далекый звон колоколов*; И. Бунин: *Моя печаль теперь спокойна*; И. Анненский: *Пыль от сверкания дня // **Дразнит** возможностью мира*; Вяч. Иванов: *И дольная звучащая*

душа, // *И тишина высот — благоговет.* (Из морфологических особенностей отметим появление множественного числа слова *звоны* в поэзии «серебряного века» — кроме неоднократно цитировавшейся строки И. Анненского, «звоны» встречаются и у Городецкого: «звоны-звоны-перезвоны»; эта форма используется и в древнерусской литературе, в частности, в народной песне «Звонили звоны в Новгороде, Звончей того во каменной Москве».)

Таким образом, если лексическими маркерами колокольной поэзии славянофилов являются слова, отсылающие к Руси/Москве и характеризующие звон посредством эпитетов (*чудный, любимый, благодный* и т.п.), «неславянофильской» — слова со значением утраты (*уж не*), то в поэзии символистов такими маркерами становятся слова, именующие эмоциональное состояние субъекта. При этом обычно имплицитно ощущается контраст между напряженным состоянием души и спокойным, отрешенным звучанием колокола. Так, лирический герой Бунина осознает его «спокойствие и вечность» на фоне ушедших печалей, лирический герой Бальмонта при звуке колоколов впадает в сладкие воспоминания о светлых днях прошлого, но понимает тщетность ностальгического порыва — и колокол замирает вдали. Герой Анненского, желая следовать за «звонами», задумывается о вечности и смерти.

Принято считать, что «русские символисты подхватили у Бодлера теорию „соответствий“ — скрытых, поэтически постигаемых аналогий между душевными и природными явлениями, между реальным миром и миром собственного «я» поэта» [3]. Разумеется, пейзаж в стихотворениях названных нами поэтов «серебряного» века соотносится с внутренним состоянием лирического героя, однако полного соответствия между ними нет — скорее, есть драматическое напряжение между душой человека, в которой поселены чувства, и спокойствием колокольных звонов: печали в душе противопоставлен вещей и спокойный колокол; звонам, уходящим ввысь, адресуется жалоба на слабость и «сирость» сердца.

В «колокольной» поэзии «серебряного века», как уже говорилось, особняком стоят два стихотворения о колоколе — Ф. Сологуба и Н. Гумилева, рисующих колокол как символ революции.

Стихотворение Ф. Сологуба называется «Соборный благовест», и вот здесь, возможно, впервые в русской поэзии возникает метафора колокольного звона как вестника духа времени: благовест противопоставляется набату.

*Клеветники толпою черной
У входа в город нам кричат:
«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».* (1904)

Так благовест в поэзии, включающей, наряду со словом *колокол*, слово *свобода*, начинает совмещаться с набатом, мотив которого прозвучит громко спустя век, что будет показано ниже. Таким образом, можно констатировать, что в XIX — начале XX в. колокол задает одну из инвариантных тем русской поэзии, интерпретируясь как голос Руси для славянофилов, как глас прошлого и вечности в не-

славянофильской поэзии, как элемент пейзажа, вносящий в мятущуюся душу гармонию в поэзии серебряного века. Вместе с тем появляется и тема «возмущающего набата», отмеченная еще в «Песне о колоколе» Шиллера. Если сопоставить эти мотивы с мотивами Шиллера и Эдгара По, то, очевидно, можно сказать, что русская поэзия колокола отличается большей гражданственностью и личностностью одновременно: колокольный звон воспринимается в ней как дорогой голос родины и ее истории или как повод к внутренним размышлениям отдельной личности о жизни и смерти.

Что же происходит с «колоколом» в поэзии советского периода? В ней тема колокола по понятным причинам практически прерывается. Колокол замолкает как источник сакральных звуков, но тема его все-таки не исчезает совершенно.

*Видно, вправду скоро сбудется
То, чего душа ждала:
Мне весь день сегодня чудится,
Что звонят колокола.*

*Только двери в храме заперты.
Кто б там стал трезвонить зря?
Не видать дьячка на паперти
И на вышке звонаря.*

*Знать, служение воскресное
Не у нас в земном краю:
То звонят чины небесные
По душе моей в раю.*

Это Дмитрий Кедрин, автор известного стихотворения «Зодчие», где возникла тема ослепительной красоты храма, возведенного русскими зодчими и ослепленными «в благодарность» по велению государя, дабы не могли они воздвигнуть церкви краше, чем «храм Покрова». У Кедрина колокола не звонят на земле, их звуки — звуки другого мира.

Но когда замолкает колокол на земле и о нем уже не говорят как о символе Руси, возникает заместительная тема — «тема колокольчика»: этот цветок становится символом России-родины, у самых смелых продолжая переключаться с колоколом. Так, в творчестве Рубцова колокольный звон сливается со звуком, издаваемым цветком колокольчика:

*Звон заокольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.*

В поэзии советского периода колокольчик находится в контекстуальной близости со словами *родина, Россия*:

*Кто же первый сказал мне на свете о ней.
Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду...
Я не помню, кто мне о России сказал (С. Орлов)*

И у «совсем советского» поэта Ст. Куняева: *Здравствуй, русско-советский пейзаж, то одна, то другая примета. Колокольчик... Приятная блажь... Здравствуй, родина... Многая лета!* Представляется показательным определение при слове пейзаж: русско-советский. Эта преемственность, подчеркивание именно русского пейзажа (а не, например, молдавского), включающего как элемент цветок колокольчика, церковный оборот «многая лета» — все это отсылает к образу церковного колокола как символа России, наследником которого в атеистические времена становится цветок — колокольчик. Таким образом, и колокол, и колокольчик являются символами практически одного и того же явления — России-родины, а обозначающие их лексемы включаются в дискурс гражданского самосознания.

Традицию использования колокольчика в гражданском дискурсе можно возвести к широко известному стихотворению А.К. Толстого «Колокольчики мои, цветики степные», которое отнюдь не является «пейзажной лирикой», как это можно предположить, если знакомиться со стихотворением по фрагменту из школьных учебников. Колокольчики в стихотворении Толстого гибнут под копытом коня, несущегося в неизвестное. Что олицетворяет собой этот конь?

*Есть нам, конь, с тобой простор!
 Мир забывши тесный,
 Мы летим во весь опор
 К цели неизвестной.
 Чем окончится наш бег?
 Радостью ль? кручиной?
 Знать не может человек —
 Знает бог единый!*

Разумеется, у современного читателя возникает аллюзия к гоголевской тройке — Руси, мчащейся в неизвестное будущее. В стихотворении Толстого возможным конечным пунктом движения коня является град (Москва), где происходит объединение славянских народов, что явно «немцам не по сердцу». В современном общественном контексте стихотворение звучит весьма актуально. И это стихотворение не обходится без упоминания колокола: *Иль влетим мы в светлый град // Со кремлем престольным? // Чудно улицы гудят // Гулом колокольным.*

Эти два феномена — цветок и «конусообразный предмет для различных технических надобностей» (такова дефиниция слова *колокол* в словаре Ожегова) — связаны с собой и по легенде: изобретение колокольного звона в Европе принято приписывать святителю Павлину, епископу Ноланскому: «Из жития святого известно, что, возвращаясь как-то домой, святой Павлин прилег отдохнуть на поле, поросшем колокольчиками. Во сне он увидел, как с небес нисходят светлые ангелы, раскачивают колокольчики, и те издают нежные серебряные звуки, сладкие, как ангельское пение. Возвратившись домой, он приказал мастеру отлить большую бронзовую копию полевого цветка. Когда колокол был отлит, епископ ударил по нему, и тотчас вокруг полился полнозвучный и приятный, как глас Божий, звон. Предание гласит, что это событие произошло около 400 г.

в Европе» [8. С. 128]. Не случайно и название науки о колоколах (кампанология), и латинское обозначение колокольчика (*campana*) совпадают.

Но колокол издает не только звуки, ласкающие слух. У Дм. Кедрина, уже упоминавшегося нами, возникает тема набата, посылающего звук из прошлого в настоящее, в котором живет поэт (1907—1945): некогда звучащий во времена Новгорода, обороняющегося от врагов, набат звучит во время великой войны (*И колокол гудел над головой // Так, словно то сама душа России // Своих детей звала на смертный бой!*). Через звук колокола осуществляется связь времен между поколениями России — и перед нами вновь гражданский дискурс.

В ином ракурсе тема колокола и колокольчиков, но уже не цветов, зазвучала в русском роке — в знаменитой балладе А. Башлачева «Время колокольчиков». Здесь времена разорваны: *звонари по миру слоняются. Колокола сбиты и расколоты*. И тогда наступает время колокольчиков. Поначалу кажется, что поэт говорит об измельчении ценностей: *Если нам не отлили колокол, // Значит, здесь время колокольчиков*. — Но нет! *Эй, братва! Чуete печенками Грозный смех русских колокольчиков?* Происходит отсылка к легенде о разбившемся на множество колокольчиков новгородском колоколе, отправленном Иваном III из покоренного города в Москву и не захотевшего звучать вместе с московскими колоколами. В этой балладе предвосхищается многое, и прежде всего, — время «свистопляса». Безобидный и трогательный колокольчик становится грозной метафорой протеста и «смутного времени»: *Загремим, засвистим, защелкаем, // Прoberет до костей, до кончиков* (можно усмотреть и здесь интертекстуальную связь со стихотворением А.К. Толстого: *Эй! Выводи коренных с пристяжкой // И рванем на четыре стороны*).

Это уже не благовест прошлого и не «колокольчик под дугой» — вечный странник бесконечных русских дорог прошлого. Метафора колокола, издающего тревожный звук набата, разовьется несколько позже: *He благовест — набат нисходит с колоколен, где столько долгих лет молчала пустота* (Ст. Золотцев, 1989—1990). Обратим внимание на дату написания этих строк: колокола возвращаются на колокольни. И издают не звон-благовест, а звук набата. Этот *набат* — метафорическое обозначение общественного неблагополучия, сложный образ, возникающий в результате синестезии метонимии и метафоры — метафтонимия (метонимия: набат как часть ситуации тревоги, призыва к «миру» собраться для решения общественных проблем; метафора: сравнение ситуации прошлого, когда набат собирал народ на площадь, и современной ситуации общественного неблагополучия, когда необходим призыв к изменению ситуации) [литературу по метафтонимии см.: 10]. Отметим контекстуальную близость лексем *благовест* и *набат* — она вообще характерна для современной поэзии, где звуки, с одной стороны, противопоставленные друг другу по своей функции, с другой — воспринимаются как единое целое: ***Благовест тревожен, как набат*** (Г. Онанян, 2001).

Некогда в поэзии А. Полежаева (XIX в.) набат и благовест не противопоставлялись, а были голосом единого священного инструмента: *Его... набат и тихий звон // Всегда приятны патриоту*. Если поэзия благовеста — это поэзия гармонии

и мысли, то поэзия набата — это поэзия тревоги и призыва. В зависимости от того, что преобладает в поэзии — благовест или набат, мы можем судить о духе времени. В современной поэзии звучит набат. В ней *благовест* и *набат* включаются в контекст, который усиливает антитезу ситуаций их звучания и вместе с тем создает оксюморонную метафору «благовест набата»: *Преображеньем на Крови взорвется благовест набата... Вчера сорока принесла: льют на Руси колокола...* (Андрей Злой, 2006). Насколько можно судить, перед нами — поэзия предупреждения, усиливающегося с каждым днем (см. даты написания приведенных строк). *Лить колокола* в этом контексте отсылает к другому выражению: *лить пушки*, и колокол начинает восприниматься как оружие, точнее, орудие мщения. Если *колокол* и *благовест* прошлого не были метафорическими, то современный *набат* — это метафорический призыв к крови.

*Нам не впрок молитвы на закат —
вновь придет рассвет в безбрежной сини,
над врагом истерзанной России
завучит зовущий нас набат.*

(В. Патрушев, 2009)

Круг замкнулся: мы возвращаемся к Шиллеру — в русской поэзии современность ждет «зловещего» гула металла, который «к насилью первый даст сигнал».

Подведем итог: дискурс колокола в русской культуре (в основном, поэзии) позволяет сделать следующие выводы: 1) грамматические формы числа у слова *колокол* различаются закрепленными за ними ассоциациями: *колокола* в большей степени ассоциируются с ласкающим слух звоном благовеста, *колокол* — с тревожными звуками погребального звона или набата; 2) тема колокола является инвариантной темой русской поэзии, связующей нитью времен, с одной стороны, с другой — «связкой» с дискурсами других культур; 3) каждая эпоха или идейно-художественное течение трансформируют эту тему — звук колокола воспринимается то как вносящий в душу чувство гармонии и связи с Русью (поэзия славянофилов XIX в.), то как стимул к размышлениям об утраченном времени, то как элемент пейзажа, заставляющего чувствовать тщету личностных переживаний (серебряный век). Соответственно, меняется и лексический репертуар поэтических средств; 4) *колокол* воспринимается у славянофилов и в ряде произведений XX в. как символ России-родины. Когда замолкает колокол (времена атеизма), роль символа передается колокольчику (цветку); 5) современная поэзия колокола богата интертекстуальными отсылками, также осуществляющими связь времен с точки зрения повторяющихся поэтических образов; 6) в поэзии широко используется тема противопоставления благовеста и набата. XIX в. — время благовеста, конец XX — начало XXI в. — время набата. Доминирование одной из этих тем свидетельствует об изменениях в состоянии общества: от гармонии и покоя — к неудовлетворенности, тревоге и готовности к революционным изменениям. Характеризуя современность, можно сказать, что БЛАГОВЕСТ СМЕНЯЕТСЯ НАБАТОМ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Эта надпись на латыни (“*Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango*”) сделана на Мюнстерском колоколе в Швейцарии, вдохновившем Шиллера к написанию «Песни о колоколе».
- (2) При благовесте звонарь тянет колокол за язык, сам являясь его частью и продолжением. А при набате звонарь раскачивает не язык, а колокол, пока тот не ударит в безвольно висящий язык. Первая традиция — греческая, и далее — православная. Вторая — западноевропейская, католическая [<http://www.art-ashram.com/swindow/esse/voznensky>].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Большакова Н.П.* Колокольный перезвон. Колокола в литературе, музыке и живописи. Мурманск: ОПИМАХ, 2011.
- [2] *Владышевская Т.Ф.* Древнерусские колокола и звоны // «Русское возрождение». Нью-Йорк; М.; Париж, 1998. № 72. С. 63—95.
- [3] *Григорьев А.Л.* Символизм. URL: feb-web.ru Символизм.
- [4] *Каровская Н.С.* Феномен колокола в русской культуре: Дисс. ... канд. культурологии. Ярославль, 2000.
- [5] *Козлов В.Ф.* Гибель церковных колоколов в 1920—1930-е годы. URL: zvон.ru/zvon7.view2.page12.html
- [6] *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 191—199.
- [7] *Никольский К.* Пособие к изучению устава богослужения Православной церкви. 7-е изд. СПб.: Синодальная Типография, 1907 (репринтное издание: М., 1995). URL: religiocivilis.ru/hristianstvo...2882-blagovest.html.
- [8] *Пришвин М.М.* «Когда били колокола...» (Из дневников 1926—1932 годов) // Прометей. Историко-биографический альманах. М., 1990. Т. 16. С. 411—422.
- [9] *Степанова Н.В., Мельничук Г.А., Попова О.И.* Колокольная тема в книгах и периодике // Библиография. М.: Рос. кн. палата, 2013. № 1. С. 125—136.
- [10] *Шарманова О.С.* Метафтонимия как концептуальное взаимодействие // Вестник ИГЛУ. Иркутск, 2011. № 1. С. 194—200.

BELL DISCOURSE IN RUSSIAN CULTURE

E.R. Lissan

Faculty of Philology
Vilnius University

Universiteto, 5, Vilnius, Lithuania, 01131

The article focuses on the symbolic meaning of Russian ringing of bell in the Russian discourse. According to Lotman’s definition of symbol, it has dual nature: an invariant essence and its modification in relation to the cultural context. The article introduces informative and linguistic modifications of the bell topic in the Russian poetic discourse of the 19th, the 20th and the beginning of the 21st century. The author of the article provides the detailed analysis of such discursive descriptions of bell ringing as *the ringing of church bells* and *alarm*. The author arrives at the conclusion that the alarm topic prevails in contemporary poetry and this indicates the state of public dissatisfaction. In the 19th and the 20th centuries lexemes *the ringing of church bells* and *alarm* were used literally, but in the 21st century lexeme *alarm* acquires metaphorical meaning of call for blood.

Key words: ‘bell poetry’, the nature of symbol, bell and bells, the ringing of church bells and alarm, the state of society and poetry.

REFERENCES

- [1] *Bolshakova N.P.* Kolokolnyj perezvон. Kolokola v literature, muzyke I zhivopisi. Murmansk: ОПИМАЧ, 2011.
- [2] *Vladyshevskaja T.F.* Drevnerusskije kolokola I zvony // Russkoje vozrozhdenije. New York, M., Paris, 1998. № 72. P. 63—95.
- [3] *Grigorjev A.L.* Simvolizm. — [feb-web.ru>Символизм].
- [4] *Karovskaja N.S.* Fenomen kolokola v russoj culture. Diss. ... kand. kulturologii. Jaroslavl, 2000.
- [5] *Kozlov V.F.* Gibel cerkovnych kolokolov v 1920—1930 g. URL: zvон.ru/zvon7.view2.page12.html.
- [6] *Lotman Ju.M.* Simvol v sisteme kultury. Izbrannyje statji T. 1. Tallinn: Alexandra, 1992. P. 191—199.
- [7] *Nikolskij K.* Posobije k izucheniju ustava bogosluzhenija Pravoslavnoj cerkvi. 7 izd. SPb.: Sinodalnaja tipografija, 1907. URL: religiocivilis.ru/hristianstvo...2882-blagovest.html.
- [8] *Prishvin M.M.* “Kogda bili kolokola” // Prometej. Istoriko-biograficheskij almanach. T. 16. M., 1990. P. 411—422.
- [9] *Stepanova N.V., Melnichuk G.A., Popova O.I.* Kolokolnaja tema v knigach I periodike // Bibliografija. M., 2013. № 1. P. 125—136.
- [10] *Sharmanova O.S.* Metaftonimija kak konceptualnoje vzaimodejstvie // Vestnik IGLU. 2011. № 1. P. 194—200.